

ник в процессе развития виртуальных возможностей мирового рынка. Обычно это неотъемлемая часть сайтов компаний, которые представляют всеобщему вниманию рекомендации предыдущих заказчиков, при этом целью является привлечение клиентов. Письма отличаются четкостью и лаконичностью, характеристики личных качеств указываются не всегда, т.к. письмо может иметь коллективный характер.

Рекламные рекомендательные письма реализуют дополнительную цель рекламного дискурса – влияние через информирование для создания мотивации к действию. Основные концептуальные образы: *ответственный и надежный партнер, достойный член общества, общественные и семейные ценности, отличный руководитель.*

Классификация рекомендательных писем по функциональному признаку дает возможность детально изучить ситуативные модели жанра в различных типах дискурса. Выделенные типы простых и осложненных рекомендательных писем не только реализуют дополнительную цель, но и влияют на коммуникантов, референтную ситуацию, образную составляющую и степень эмотивности.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.
2. Михайлова Е.В. Конститутивные признаки научного дискурса // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград : Перемена, 1997. С. 95–97.
3. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 124–136.
4. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

A testimonial in different types of discourse

There are considered the peculiarities of the speech genre "testimonial" in different types of discourse of institutional communication, and suggested the classification of testimonials by functional sign on the basis of 410 examples in the Russian, English and French languages.

Key words: *discourse, speech genre, business communication.*

И.В. ПАЛАШЕВСКАЯ
(Волгоград)

СОБЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРИЗНАКИ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Событие преступления рассматривается как соотношение референтного, модельного и нарративного событий. Анализируются признаки референтного и модельного событий и их реализация в соответствии с логикой повествовательной схемы в дискурсе судопроизводства.

Ключевые слова: *референтное событие, модельное событие, нарративное событие, преступление.*

Посредством интерпретативного анализа понятия «событие» рассмотрим в общем плане признаки (и способы их нарративного представления), которые приписываются *событиям преступления* в текстах дискурса судопроизводства. Событие мы понимаем как соотношение *референтного* (того, что произошло), *модельного* (того, что должно было произойти) и *нарративного* (то, как об этом рассказали) событий. Модельное событие выявляется путем аналитического обобщения повторяющихся признаков различных фактических случаев и подведения их под схемы-инварианты, служащие в дальнейшем для интерпретации новых фактов. В качестве критериев интерпретации фактуального материала выступает система семантических пресуппозиций – юридический код, доступ к которому является важным признаком принадлежности говорящего к институциональной культуре. Эта система знаний выражена в прецедентных текстах юридического дискурса, включая презумпции, фикции, правовые аксиомы и принципы, которые репрезентируют устойчивые связи между фактами, позволяющие строить имплицативные суждения «если..., то» ($A \rightarrow B$), объясняя зависимость того, что произошло, от породивших его причин и условий. Моделирование носит характер реконструкции событий по свидетельствам о них – вербальным и вещественным презентемам – в соответствии с типовыми образами этих событий в правовой культуре. В процессе интерпретации нарративного материала (сведений о событии) происходит фокусировка на актуальных, юридически релевантных моментах произошедшего, поиск модели

(сюжета), в соответствии с которой осуществляется презентация события в процессе судебного разбирательства. Рассказ о событии встроен в жанровую структуру агонального дискурса судопроизводства, борьба сторон разворачивается за *модельное событие*, сосредоточиваясь на существовании (или не существовании) фактов – знаний о произошедшем (*референтном событии*) и поиске соответствия постулируемого стороной факта и юридического контекста его интерпретационной модели в *событии рассказывания*.

Юридическая обработка сознанием фрагментов нарративного материала сопровождается юридической квалификацией, в процессе которой устанавливается соответствие факта норме, референтного события – модельному по схеме «деяние Д1 (не) соответствует признакам деяния Д, предусмотренного нормой Н; факт Ф1 (не) соответствует признакам факта, предусмотренного нормой Н». На практике обычно утверждается, что такое-то деяние попадает под признаки статьи такой-то или факт такой-то является фактом, предусмотренным статьей такой-то, и т.д. [6, с. 113]. Таким образом, посредством подведения частного под общее происходит сопоставление суждений о произошедшем и содержания нормы права. Правоприменитель в каждом конкретном случае проверяет соответствие суждений (факта) и юридической нормы (референтного и модельного событий) в рассказывании-доказывании сторон. Следовательно, юридический факт раскрывается как результат оценочно-кваликативного действия. Агенты юридического дискурса рассматривают произошедшее как вариацию того или иного юридического сюжета, в силу чего языковая презентация отражает соотношение фактических и юридических оснований, референтного и модельного событий. Тексты обвинительного заключения, приговора, надзорной жалобы и т.п. содержат языковые конструкции, конкретизирующие норму применительно к обстоятельствам рассматриваемого дела. В жанре допроса формулировки и последовательность вопросов агента направляют рассказ допрашиваемого по типовой схеме (или ряду смежных схем) события и роли допрашиваемого в этом событии. Например, стандартный перечень вопросов к свидетелю, видевшему подозреваемых в краже вблизи места происшествия, включает следующие стандартные вопросы: *Когда и при каких обстоятельствах свидетель видел лиц вблизи места происшествия? Что они делали, что спраши-*

вали (не живет ли здесь их знакомый и т.п.)? Как они выглядели (внешность, одежда, манера держаться)? Известно ли свидетелю, чтобы кто-нибудь, кроме него, видел или разговаривал с этими лицами?

Статус событийности определяется набором признаков. Среди них выделяются конститутивные признаки, свойственные событиям вообще, в том числе и событию преступления, и признаки, дифференцирующие событие преступления. К конститутивным признакам события традиционно относят актуальное изменение ситуации, становление факта, т.к. событие осознается лишь в сопоставлении с тем, что было до него, и тем, что наступило после [7, с. 4]. В дискурсе судопроизводства потенциально значимую для правоприменителя характеристику составляют пространственно-временные описания таких состояний действительности, которые претерпели изменения в силу определенных действий субъекта и имеют в силу норм права юридическое значение. Так, если в качестве преступного акта рассматривается *пересечение государственной границы* между сопредельными государствами А и В, то это действие определяет пара описаний состояний {некто *a* в момент *x* находится на территории государства А}, {некто *a* в момент *x+1* находится на территории государства В}, т.е. пара {предшествующее состояние – последующее состояние}. Эти утверждения об изменениях и составляют экспликацию события в тексте.

Минимально достаточным для осмысления события преступления оказывается предложенная в концепции В.И. Тюпы [3] взаимосвязь, «актуальное со-бытие» *актантного*, *пассиентного* и *смыслообразующего* факторов. Применительно к событию преступления *актантный фактор* представлен противоправными действиями субъекта, направленными на *пассиентный фактор* – объект уголовно-правовой охраны, т.е. те интересы (по терминологии УК РФ), нарушение которых определяет содержание преступно опасных последствий этого воздействия. Природа и носитель интереса могут быть различными, важно только, чтобы он был охраняем государством через соответствующие правовые установления. Смысловая природа такого «со-бытия факторов» актуализируется благодаря нарративной релевантности предоставляемых о нем сведений, возможности их интерпретации посредством правовых категорий, т.е. соотнесения с моделями правовых ситуаций и их решений. С данных позиций событие рассматривается как

продукт институционального конструирования, оно существует в виде языковых формул, устойчивых смыслов и является результатом состязательно организованного конфликта интерпретаций, «говорения» о нем его участников, наблюдателей и агентов дискурса судопроизводства.

Следует выделить консеквативный признак преступного воздействия (выражаемый понятиями *вред, ущерб, общественно опасные последствия*), а также каузальную и хронологическую связь между действием и последствием, т.е. изменением ситуации. Связь между актом и последствием может быть различной. Выделяются действия, которые, будучи лишь только начатыми, уже вызывают обычно связываемый с ними результат. Совпадение актантного и консеквативного признаков отражено в таких единицах, как *похищение, кража, грабеж, разбой, вымогательство, контрабанда, клевета, оскорбление, убийство, диверсия, шантаж, угроза, проникновение в жилище* и т.п. Действия иного типа характеризуются тем, что приводят к ожидаемому от них результату после своего завершения: *нарушение равноправия граждан, нарушение правил охраны труда, подмена (ребенка), присвоение и растрата*. Так, подмена ребенка состоит в последовательном совершении двух действий – непосредственного изъятия ребенка и замены его другим. Если же субъект преступления, изымая ребенка, не намеревался заменить его другим, то такие действия квалифицируются юристами как похищение человека (ст. 1267 УК). В то же время если действие, являющееся *хищением*, начато, то пространственный статус похищаемого объекта уже изменен, что и является результатом, обыкновенно ожидаемым похитителем от этого действия.

В аспектах процесса выделяются континуальные, или *длящиеся (хранение боеприпасов)*, характеризующиеся растяжением в модельном времени окончания деяния или достижения результата, и *продолжаемые* преступления [3], характеризующиеся совершением ряда однородных, возобновляемых в референтном времени действий как этапов одного деяния, направленных к одной цели. В последнем случае каждое действие, будучи отдельно взятым, не обладает юридическим значением целого (*получение взятки по частям*). Принцип *распространяемое на целое распространяется и на части* имеет юридическое значение: присуще действию, содержащему признаки *неоднократности*. С позиции нарратологии неоднократность как изображение повторяемости

приближает наррацию к описанию [7]. В юридическом дискурсе (не)повторяемость (совершение нового преступления – аналогичного или однородного) является дифференцирующим признаком события преступления.

При фрагментизации произошедшего в процессе рассказывания выделяются простые и сложные события. В основе сюжетов последних лежат сложные действия как совокупность необходимых простых. Если для совершения преступления *обязательно* некоторое сложное действие, то *обязательно* и конституирующее его элементарное. Простое событие так же раскладывается на ряд составляющих его действий, каждое из которых приобретает значение только в составе целого. Такого рода действия предполагают мелкие (хотя и значимые для юридической оценки) изменения, образующие сцены, последовательно показываемых на текстуальном уровне показывает более значительное изменение, позволяющее говорить о совершении единичного преступного акта. Такой подход к фрагментизации события позволяет выделять 1) одноэпизодные дела – с простым сюжетом, по которым исследуются обстоятельства совершения единичного преступления (одним лицом или несколькими лицами); 2) многоэпизодные дела – со сложным сюжетом, включающим обстоятельства совершения нескольких преступлений (одним лицом или несколькими лицами).

На текстуальном уровне разложение действия, образующего событие преступления, на ряд составляющих сводится к конкретизации, описанию способа его совершения (хищения, причинения смерти и т.д.). Так, под *причинением смерти человеку* подразумевается множество всевозможных действий, результат которых – биологическая смерть человека. В этом плане действия, конкретизирующие другое действие, являются его атрибутами. Они отражают иерархические отношения между характеризуемым ими действием и другими действиями в правовой картине мира, выступая в качестве дифференцирующих признаков преступлений, раскрывая их смысл и позволяя оценивать происходящее как юридически значимое. В зависимости от степени конкретизации выделяются резюмированная и детализированная (развернутая) презентации события. В первом случае происходит сжатие синтагматики сюжета до ядерных повествовательных единиц, крайним проявлением чего является наименование события (*убийство, кража* и т.п.) или статьи УК РФ (*М. и К. обвиняются в умышленном убийстве Д. и К., сопряженном*

с их похищением, с использованием их беспомощного состояния, совершенном в составе организованной группы с целью скрыть другое преступление, т.е. в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «в», «ж», «к» ч. 2, ст. 105 УК РФ). При детализированной презентации события происходит развертывание акциональной цепочки ключевых действий и их признаков: ... Для исполнения этого преступного указания М. привлек неустановленных следствием лиц, которые 8 августа между 17 и 23 часами, связав руки Д. и К. веревкой и заклеив им глаза скотчем, на неустановленной автомашине вывезли потерпевших на территорию станции автотехобслуживания, принадлежащей близкому знакомому С., где потерпевшие Д. и К. были убиты путем удушения неустановленными лицами... После убийства их трупы.... Это может быть хронологический и каузально упорядоченный событийный ряд, сплошное повествование, где каждое новое действие обусловлено предыдущим, или фрагментарное повествование, при котором история составляется из нескольких нарративных линий различных лиц (свидетелей, потерпевших), посвященных отдельным фрагментам. Тактики построения текста и их сочетание обусловлены конвенциями жанра.

В лингвистике к конститутивным признакам событий относят *неконтролируемость*, связываемую с наличием или отсутствием агенса – действующего лица, обладающего (в оценке интерпретатора) волей и вследствие этого контролирующего те свои изменения и / или действия, которые могут быть расценены как преднамеренные [2]. Н.Д. Арутюнова, характеризуя концепт события, подчеркивает, что событие, в отличие от действий и поступков, рассматривается как нечто, происходящее спонтанно, независимое или не полностью зависящее от воли человека, который может ожидать или даже планировать событие, но далеко не всегда в состоянии обеспечить его наступление или предотвратить нежелательное событие [1, с. 173]. В отличие от абсолютных событий, не связанных со стремлениями субъекта (*непреодолимая сила, force majeure, vis major, frustration*), событие преступления подразумевает действие, в котором заключается исполнение намеченной цели. Событийность случая в дискурсе уголовного судопроизводства рассматривается с позиции представления субъекта о том вреде, который, вероятно, причинит его деяние. Субъект может как предвидеть неизбежность вредных последствий, вероятность их наступления,

так и не осознавать их. Последнее, как правило, обусловлено искаженно мотивированными поведенческими ситуациями, в которых человек выдает желаемое за действительность или не связывает свои желания с реальными возможностями (*неосторожная вина, легкомыслие, самонадеянность, небрежность*). Признак случайности позволяет отличать такие модельные события, как *убийство и причинение смерти по неосторожности, умышленное и неосторожное уничтожение или повреждение имущества* и т.д. Вместе с тем различить исполнение намеченной цели и случайность не всегда просто. Более того, событие можно охарактеризовать не только как возможное, вероятное, случайное, но и как *неизбежное*, в частности, в результате действий при *крайней необходимости*. Или, например, когда человек предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия), но не мог предотвратить их в силу несоответствия собственным психофизиологическим качеств требованиям экстремальных условий и т.п. (ст. 28 УК РФ). Здесь право предоставляет определенный спектр возможностей, не выходящих за рамки нормального (предусмотренного нормами), но находящихся на грани дозволенного. Фатальность и случайность – две противоположные стороны признака неконтролируемости событий. Данный признак в юридическом дискурсе является дифференцирующим, он градуален и объединяет различные лексемы, выражающие (не)соответствие между субъективными представлениями о действительности и самой действительностью. К дифференцирующим признакам также относятся (не)обратимость, (не)завершенность, (не)однократность и др.

Анализ признаков событий преступлений, их пересечений и принципов актуализации в событии рассказывания позволяет выявить синтаксис действий в юридических сюжетах, а также взаимосвязь типовых моделей презентации этих сюжетов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
2. Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия «Литературоведение и языкознание». 1983 Т. 42. № 4. С. 320–329.
3. Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений // Основы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу. М.: Изд. Дом «Городец», 2007.

4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман об искусстве. СПб. : «Искусство-СПБ», 1998. С. 14–285.

5. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 5–31. URL : <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs5tjupa.htm>.

6. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1990.

7. Шмид В. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры, 2003.

Crime happening: signs and presentation

Crime happening is regarded as the correlation of the reference, model and narrative happenings. There are analyzed the signs of the reference and model happenings and their realization in accordance with the logic of narrative scheme in the discourse of legal proceedings.

Key words: *reference happening, model happening, narrative happening, crime.*

Ю.И. ВОРФОЛОМЕЕВА
(Москва)

АЛГОРИТМЫ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Описываются причины использования преформантов индоевропейского корня. Выдвигаются некоторые гипотезы относительно этого явления.

Ключевые слова: *преформанты, табу, семантические законы.*

Проблема происхождения «подвижных формативов» в индоевропейских языках давно привлекает внимание ученых, но, несмотря на это, она до сих пор не получила адекватного решения. Одни исследователи считали детерминативы действительными частицами, другие утверждали, что индоевропейские детерминативы корня – это своеобразные суффиксы или элементы, возникшие в результате различных фонетических преобразований корня (в частности, неполной редупликации). Приведем примеры:

1) и.-е. **ab-*, **eb-*, **ob-*, **ub-* ‘бить, тереть’ > ‘зажигать’ > ‘гореть’. Ср. с преформанта-

ми: лит. *d-òb-ti* ‘бить, ударять’; и.-е. **t-eb-*/**tep-* ‘гореть’; и.-е. **r-ab-*/**r-ap-*/**r-ep-* ‘гореть’ (ср. индо-ар. **rappa-* ‘огонь’ и нем. диал. *Riep, Rob* ‘корова’ (огненный символ); и.-е. **a-abh-* ‘гореть’; и.-е. **l-ab-*/**l-ap-*/**l-ep-* ‘гореть’; рус. диал. *с-об* ‘олень’ (огненный символ); англ. диал. *oobit* ‘a long-haired caterpillar’ (огненный символ).

2) и.-е. **ad-*, **ed-*, **od-*, **ud-* ‘бить, тереть’ > ‘гореть’ (ср. др.-англ. *ād* ‘Brand’). Ср. с преформантом: лит. *b-adyti* ‘колоть’; др.-инд. *bh-ēda* ‘sheep’ (огненный символ); нем. *l-odern* ‘пылать’.

3) и.-е. **ak-*/**ek-*; **bhek-*; **dek-*; *lek-*; **pek-*; **rek-*; **sek-* ‘рассекать’; и.-е. **ag-*, **eg-*, **og-*; **ug-* ‘бить, рассекать’ > и.-е. **ag-* ‘огонь’; др.-инд. *ojas* ‘сила, мощь’; др.-инд. *ahi* ‘змея’ (огненный символ); др.-инд. *ahi* ‘корова’ (огненный символ). Ср. с преформантами: лат. *acrima* ‘слеза’, но также лат. *lacrim, lacrima* ‘слеза’; англ. *st-ag* ‘олень’ < др.-инд. *ahi* ‘корова’ (типологически ср. рус. диал. *алынья* ‘корова’, но и.-е. **el-* ‘олень’; рус. *корова*, но нем. *Hirsch*, англ. *harl* ‘олень’); др.-англ. *l-iege* ‘огонь’; и.-е. **dh-eg-* ‘гореть’; ирл. *m-og* ‘огонь’. Ср. также нем. *hager, mager* ‘тощий’, лат. *aeger* ‘большой’, тох. А *ekār* ‘бедный’, лат. *piger* ‘дешевый’.

4) и.-е. **al-*, **el-*, **ol-*, **ul-* ‘бить, ударять’ > **al-* ‘гореть’. Ср. с преформантами: и.-е. **bh-el-* ‘гореть’, **gh-el-* ‘гореть’, **k-el-* ‘гореть’, **m-el-* ‘гореть’, **p-el-* ‘гореть’, **t-al-* ‘горение’.

5) и.-е. **ar-*, **er-*, **or-*, **ur-* ‘бить, ударять’ > ‘гореть’. Ср. с преформантами: и.-е. **bh-er-* ‘гореть’, **d-er-* ‘гореть’, *dh-er-* ‘гореть’, **k-er-* ‘гореть’, **p-er-* ‘гореть’.

Попытаемся рассмотреть индоевропейские преформанты и детерминативы с точки зрения истории культуры. Можно полагать, что смыслы конечных и начальных элементов древнего слова были многообразными. Языческое понимание Космоса и Логоса, их символика отражались в древних магических формулах. Последние обычно состояли из мистических знаков, нацарапанных на дереве, камне или коже (в процессе ритуала некоторые из этих формул особым образом озвучивались: звук в древности считался разящим оружием Божества). В таких магических формулах (в процессе развития культуры они принимали форму слов) отражались все категории языческой ментальности. В связи с этим важно иметь в виду исключительную роль дихотомии, полярности, в древнем мышлении (семантические диады), что находило безуслов-